

деньги-то на водку забыл отдать, совсем голову задурили этими воробьями.

Ешутин прошёл в комнату и смущённо крикнул, поставив шапку на стол:

— Вот, отогреть надо...

Он хотел добавить, что это его один дурачок попросил, что ему самому до них и дела нет, но повернулся к жене... Глаза её смотрели на него с удивлением, но кроме удивления было в них что-то такое, от чего Ешутин растерялся, неожиданно для себя густо покраснел. Жена тоже смутилась, наклонилась к воробьям:

— Ах, вы мои бедненькие. Да кто их водой-то облил?

— Сами. Купаться вздумали. По лету сочувались.

— Ну, папка, ты даёшь — Вовка подошёл к отцу, неловко ткнулся ему головой в плечо, — Сколько их?

— Неси-ка, сынок, коробку. А то обсохнут и разлетятся по комнате.

Когда воробьи перекочевали из шапки в коробку, Ешутин, переминаясь возле стола — ему впервые за последние годы не хотелось уходить из дому, — глухо сказал:

— Ну ладно, я пойду.

— Как ты, Витя, без шапки в такой мороз пришёл?

— Да тут рядом.

— На обед ждать?

— Не знаю.

— Приходи, папка, мы подождём.

Ешутин шёл, а перед ним неотступно стояло лицо жены: «Как она смотрела, как смотрела! А Вовка — хороший парень растёт».

— Деньги принёс? — нетерпеливо спросил Тойгичев.

— Жены дома нет, а деньги у неё, — скимая в руке ассигнации, ответил Ешутин.

— Вот и хорошо, — засуетился бригадир, — пока на обед едим, вода и промёрзнет.

Ешутин подал Генке шапку, взял свою и неумело потряс парня за худенькое плечо.

А посреди закуржавшего снега виднелся островок земли, отогретый неожиданным теплом.

О чём печалишься, душа моя?

Раз или два в месяц Колобовников шёл после работы с бригадой в пивбар. Чтобы не выглядеть белой вороной, пододвигал к себе кружку с пивом, но пить отказывался:

— Дури у меня своей хватает.

Бригада поначалу недоумевала:

— Зачем ходит, если такой трезвенник?

— Древние греки для того, чтобы их молодёжь не пристрастилась к пьянству, напаивали до свинского состояния рабов. Вроде как наглядное пособие. И вообще у спартанцев пьянка считалась рабским занятием. Вот и Колобовников, видимо, как почувствует тягу к спиртному, так сюда — наглядится и снова терпеть месяц-другой может.

— Что, так и написано «рабское занятие»? — потрясённо спросил семидесятилетний плотник Черных и смял могучими пальцами своё лицо, изборождённое многочисленными морщинами, которые, словно годовые кольца, выдавали его возраст.

— Так и написано. Могу книгу принести.

— Получается, что мы все рабы. Нет, надо же так настроение испортить, — Черных отодвинул кружку с пивом. — Вся жизнь честно отработал, орден имею, а под старость в рабы записали. Тьфу! — старый плотник повернулся и решительно зашагал к выходу, за ним, оглядываясь и разводя руками, поспешил и его сын. Больше их в пивбаре никогда не видели.

А Колобовников появлялся. Стоял, поглядывал по сторонам. Народу всегда было полно, но среди них часто не оказывалось того, кто был нужен Колобовникову, и он через некоторое время уходил.

Иногда везло, Колобовников замечал человека, который его интересовал —

обычно это был кто-то из пришедших сюда в первый раз. Узнать такого нетрудно по растерянному лицу, по неловким скованным движениям и по тому, как тот озирался на каждый повышенный голос, перекрывавший и так чересчур громкий гул, стоявший в пивбаре. И обязательно чтоб было «конторское лицо». Некоторое время Колобовников следил за ним, наконец, говорил:

— Пойду, мужики, мне со знакомым поговорить надо, — и шёл с кружкой пива к «конторскому».

— Не помешаю? — Колобовников становился рядом и через минуту-другую спрашивал всегда одно и то же: — Скажите, товарищ, вы женаты?

Задай этот вопрос Колобовников на улице, ему вряд ли бы ответили, а здесь спрашиваемый чувствовал себя одиноко и даже был рад разговору. Если Колобовников слышал «нет», он скучнел и отходя наставлял:

— И зря, присутствие женщины облагораживает, а постоянное тем более.

Но если спрашиваемый был женат, Колобовников оживлялся:

— Ну и как она?

— Что как?

— В смысле интима?

— Извините, не пойму вас.

— Я спрашиваю, красивая она или нет?

— Как вам сказать...

— И любит, поди, вас?

— Да вот живём, — смущался допытываемый.

— И фигура, поди, что надо — ноги и прочее.

— А собственно, почему вас это интересует? — обеспокоенно озирался собеседник.

— Фигурка, конечно, что надо. Так и должно быть. Вы институт закончили? Техникум. Тоже неплохо. А я вот восемь классов и шашал. Зато на каких только курсах не учился, можно было два института за это время... Так, значит, красивая у тебя жена, говоришь? — то ли спрашивая, то ли рассуждая сам с собой, возвращался к прежнему Колобовников. — Ясно, что красивая. А вот у меня жена, не баба — лягушка-квакушка. И матерится — любого мужика за пояс заткнёт, хоть на мировое первенство посылай, без всякой тренировки первое место займёт. Ты уж мне поверь. А разве она такой всегда была? Поди, когда в школе училась, мечтала о чём-то хорошем, светлом. Почему из других Елены Прекрасные получились, а из неё лягушка-квакушка? И почему она не вам, а мне досталась?

— Но вы, наверно, когда женились, любили её?

— Какое там любил — время подошло, вот и женился. Где мы с вами разошлись, — Колобовников всегда старался подбирать собеседников примерно своего возраста, — почему пошли разными дорогами? В чём причина? Ведь когда-то одинаково голышом бегали. Может у меня фотография испорченная? — Колобовников вытягивал руку и глядел в ладонь, словно в зеркало. — Всё в порядке, никаких изъянов. В чём тогда дело, почему у вас всё складывается удачно, а у меня нет?

— Знаете, в жизни всякие бывают обстоятельства: болезнь, ранние заботы, — пробовал успокоить Колобовникова растерянный посетитель, давая зарок, никогда больше не переступать порог пивбара.

— Да никаких у меня не было забот, бегал с ребятами за девками, водку пил — и учиться мог, кто мне мешал, наоборот, все твердили: учись, учись. Мог, но не стал. Сам не стал, не захотел. Но почему? Объясни!

— Извините, но может у вас, а не хочу вас обидеть, способностей к учёбе не было?

— Способностей? У меня? Да я в школе по математике лучше всех в классе был. Учительница, бывало, потрогает мне затылок и скажет: у Колобовникова математическая шишка, способный. Да разве в учёбе дело, почему жизнь так поворачивает — тебя туда, а меня сюда. Ты меня пра-

вильно пойми, я не про работу, работа мне нравится и не про деньги, зарабатывать я хорошо, но деньгами жизнь не повернёшь.

— Извините, но не пойму я вас. Мысль вашу никак не поймаю.

— Никак, дак никак. Спасибо за компанию, а мне пора домой к своей лягушке-квакушке. Поди, уже ждёт голуба.

Всю неделю после такого разговора Колобовников ходил сам не свой, на работе ни с кем не разговаривал. А через месяц-другой снова шёл в пивбар. Однажды Колобовников выбрал посетителя в замшевой куртке с аккуратной бородкой и в тёмных очках. Пристраиваясь рядом, как обычно спросил:

— Вы женаты?

— Женат, брат, — нисколько не удивляясь вопросу, ответил замшевый, называя Колобовникова на ты.

— Ну и как жена, в смысле интима?

— В смысле интима? Ха-ха-ха! — заржал замшевый на весь пивбар. — Ну ты даёшь. Сексолог, что ли? В смысле интима всё в порядке, не первый год замужем — опыт есть. Ха-ха-ха. Тебя что конкретно интересует? Половые извращения?

Колобовников догадался, что его неправильно поняли и пояснил:

— Да я не в этом смысле. Красивая она или нет?

— Так бы и говорил, а то... Плохих не держим.

Колобовников ступевался, разговор шёл как-то не так, и он просто по привычке пробормотал:

— Скажи, почему жизнь так крутит, одним Васильис Прекрасные, а мне лягушка-квакушка?

— Сам виноват. Не нравится — уйди. Сейчас во всём мире сексуальная революция, идём вообще к отрицанию семьи, к свободной любви, а ты держишься за какую-то жабу. Что, баб не хватает?

— Но ведь столько лет вместе прожили. Когда расписывались, я ей вроде как надежду дал на всю дальнейшую жизнь, а сейчас на попятную, не по-человечески как-то.

— Тогда зачем стонешь? Насильно ведь тебя никто не заставляет с ней жить. Правильно? Выходит, ты сам себе на горло наступаешь, кислород перекрываешь. Надо быть хозяином своей жизни, держать её в кулаке.

— Не заставляет, — согласился Колобовников, — но и уйти не имею права, она не виновата, что так жизнь у неё сложилась. Почему она стала такой? Почему я живу так, а не иначе, что мешает всем людям жить хорошо?

— С тобой всё ясно. О чём печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Так говаривали во времена Мономаха. Сейчас это называется комплексом неполноценности. Ты повторяешь? О, да у тебя ещё полная. А я пойду ещё дружочку налью.

«О чём печалишься, душа моя?» — Колобовников смотрел, как замшевый, высокий, сильный, уверенно пробивался к стойке и решил уйти. Но всё-таки остался — появилась надежда, что человек, который знает такие слова, полностью совпадающие с состоянием его, Колобовникова, души, даст ответ на все мучившие вопросы. «О чём печалишься, душа моя?» — Колобовников повторил это несколько раз, вслушиваясь в каждое слово.

Замшевый принёс пиво и жадно, словно одолевала жажда, разом выпил полкружки.

— Говоришь, проснулась душа. Требуется ответа. Быть или не быть? А если быть, то кем и зачем?

— Скажи, почему это у людей жизнь по-разному складывается? В детстве, в школе все равны, ну отличники, двоечники не в счёт, большинство ведь середняки. И все вместе: уроки, каникулы. Те же учителя, учебники. Почему потом идут разными путями? В смысле, не разные профессии, а разные судьбы?

— Ты хочешь спросить, как получаются неудачники? Могу объяснить. С самого детства, когда, как ты говоришь, все рав-

ны, конечная цель их устремлений была очень низка. Ясно, что они сами этого не понимали, это был их такой бессознательный жизненный план. Вот по этой цели, по жизненному плану человеку с детства предопределено, кем ему быть. По своей конечной цели люди делятся на избранных и остальных. Понимэ?

— Понял. Чем больше у человека в детстве мечта, тем большего он добьётся.

— Не мечта, а цель. Это большая разница, мечта — дым, каждый кретин мечтает. А цель... Вот возьмём тебя. Цель у тебя была маленькая, поэтому ты и был доволен жизнью, но вот цель возросла и естественно твоя ящерица тебя уже не удовлетворяет и рано или поздно ты дашь ей коленом под зад. Скажешь, подавайте мне артистку, да покрасивше, да всякие там импортные штучки, машину попрестижнее и много-много всего, чего даже человечество ещё не изобрело.

— Что-то я тебя не пойму. По-твоему выходит, цель — это потребности, если у человека маленькие потребности, значит, это маленький человек, неудачник. А если потребности огромные — избранный, — Колобовников ещё надеялся, что понимает этого уверенного в себе парня неправильно, что тот сейчас ему всё объяснит. Мелькнула мысль: «Надо было уйти».

— Не знаю, как по-моему выходит, но, кстати, психологи, не зарубежные — советские, советовали воспитывать потребности человека. Вот возьми: первобытный человек, ему кроме жратвы ничего не было нужно, потому он и был дикарём. И остался бы им, но возросли его потребности, понадобился топор, лук со стрелами, телега и так далее, вплоть до личного самолёта. Что из этого получилось, видишь сам. Потребности человека двигают общество вперёд.

— А как же такие понятия, как нравственность? Получается, она не нужна. Получается, что хапуги, спекулянты — самые передовые двигатели прогресса, ведь им всегда больше всех надо.

— В какой-то мере да. Потому что они не маются, как ты, а сразу берут быка за рога.

— Высокая цель, жизненный план — побольше хапать! — Колобовников едва сдерживался, чтобы не выплеснуть пиво в лицо этому пророку. — Катись-ка ты отсюда, избранное дерьмо! Избранные? Да вы готовы родную мать задушить ради тряпья. Да и жена твоя, накрашенная кукла, поди, изменяет тебе... «Зачем я про жену-то говорю, может она хорошая женщина, такому гадю всегда хорошие бабы попадаются?»

Замшевый поблденел, напрягнул тело, словно готовился к прыжку, но сдержал себя, натянуто улыбнулся и спокойно, подчёркнуто спокойно допил пиво:

— Я мог бы сейчас хватить тебя кружкой по голове, но это не по-джентльменски. Пойдем, выйдем, я с удовольствием двину по твоей кретинской роже. Такие, как ты, вечно завидуют другим, мешают жить.

— Мешают хапать!

Они вышли из пивбара, свет от одинокой лампочки, стиснутый со всех сторон темнотой, освещал лишь небольшую площадку у двери. Колобовников успел подойти только до кромки света и тьмы, как сильный удар опрокинул его на землю. Он попытался вскочить, но замшевый с силой пнул его в живот ещё и ещё...

Долго ли он был без сознания, Колобовников не знал, словно сквозь сон услышал:

— Парень, ты живой? Слышь, парень?

С помощью мужчины Колобовников поднялся, утёр кровь с губы.

— За что тебя так?

— А я с его женой переспал, — еле двигая разбитыми зубами, ответил Колобовников.

— Баба-то хоть ничего?

— Королева красоты.

— Ну, не так обидно. Сам-то дойдёшь?

— Дойду.

Колобовников охая зашагал в общежитие, где он жил. Потому как никакой жены у него не было, не было никогда.